

Литературный МАЯК

№ 9
(226)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Тепличный

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй.

Всё дожди и дожди, как зарядили в августе - и весь-то сентябрь...

Вспоминается тут Рубцов: «Грустные мысли наводит порывистый ветер». И он же: «Улетели листья с топей, повторилась в мире неизбежность...»

Фестиваль, посвящённый Рубцову, отшумел в Вологде. И тут пришла весть, что не стало Юрия Малозёмова. Его знали и ценили сотни, а может, и тысячи людей: как издателя, коллекционера, литератора (он публиковался и в «Литературном маяке»); как хорошего человека и верного друга... Он готовил к изданию и мою самую первую книжку в далёком уже 1997 году.

Спасибо тебе, Юрий Полиэктович! «За всё добро - расплатимся добром, За всю любовь - расплатимся любовью!»

А осень бредёт и бредёт по земле, волочит мокрый подол по траве и опавшим листьям... И жизнь идёт и идёт. И всё в одну сторону...

Близится октябрь, когда в Вологде пройдут Беловские чтения, уже готовятся к ним будущие участники из Вологды, Москвы, Архангельска... А я пока что съездил в соседнюю Архангельскую область, в Коношский район, который когда-то был частью Кадниковского уезда Вологодской губернии. Чего там делал-то? А пригласили пожить в деревне Норинской, в которой в 60-х годах прошлого века жил один поэт - будущий Нобелевский лауреат.

Мне уж сказали - эго тебя занесло от Рубцова-то!

Нет - куда уже меня от Рубцова не занесёт... Но ведь столько интересного вокруг! Интересных мест, людей, поэтов... Я ещё напишу об этой поездке, поделюсь.

А пока лишь скажу вот что: как же мне может быть не интересен поэт, написавший вот такие строчки:

«...Мой народ! Да, я счастлив
уж тем, что твой сын!

Никогда на меня
не посмотришь ты взглядом косым.
Ты заглушишь меня,
если песня моя не честна.

Но услышишь её,
если искренней будет она...

... Припадаю к народу.
Припадаю к великой реке.
Пью великую речь,
растворяюсь в её языке.

Припадаю к реке,
бесконечно текущей вдоль глаз
Сквозь века, прямо в нас,
мимо нас, дальше нас».

Вот к этой реке припадаю и я в селе Никольском, в деревне Норинской, в родной Вологде... И куда мне без этой реки, которая будет течь и течь через меня и дальше меня...

Дмитрий ЕРМАКОВ.

Николай РУБЦОВ

Стихи

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воеет, воеет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!

Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить вить?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?

А утром солнышко взойдёт, -
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?

Вот так поэзия, она
Звенит - её не остановишь!
А замолчит - напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.

Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмет своё!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё...

Рубцовские дни в сентябре

С 15 по 18 сентября на Вологодчине вновь, в девятнадцатый раз, проходил фестиваль «Рубцовская осень». И вновь, как и каждый год, Вологда, Тотма, Никола наполнились гостями-любителями поэзии со всех уголков страны - от Мурманска до Комсомольска-на-Амуре... Множество событий, мероприятий, встреч произошло за эти дни. Я расскажу лишь о некоторых.

В этом году впервые по инициативе областной организации писателей-краеведов ряду писателей, исследователей и пропагандистов творчества Николая Рубцова была вручена памятная медаль «Н. Рубцов. «Россия, Русь, храни себя, храни!»

Первыми обладателями этой медали стали вологодская журналистка, создательница и бессменная ведущая фестиваля «Рубцовская осень» - Ирина Цветкова и известный писатель, друг Николая Рубцова, автор нескольких книг о поэте - Сергей Багров.

15 сентября известный рубцовец Леонид Вересов и автор-исполнитель песен на стихи Рубцова Сергей Дмитриев выступили перед студентами-филологами Вологодского государственного университета.

Леонид Вересов представил свою книгу «Из души живые звуки. Поэт Н. Рубцов: жизнь и творчество» (мы уже рассказывали о ней в «Литературном маяке») и рассказал о своём увлечении рубцовской поэзией, о работе в архивах. На вопрос: «А Вас не пугает, что исследуя жизнь Рубцова, Вы столкнётесь с тем, что Вас разочарует в нём?» Леонид Вересов ответил: «Нет, не боюсь. В

Виктор Иванович Лихоносов

жизни всякого человека бывает разное, но не всем дано писать гениальные стихи, а Рубцову дано. И писать можно обо всех сторонах его жизни, главное - писать с любовью. Я так и стараюсь...»

Сергей Дмитриев, замечательный музыкант, исполнил несколько песен, автором музыки которых он и является... Много пишут песен на стихи Рубцова, но далеко не всем удаётся попасть в его «поэтическую тональность» - Сергею Дмитриеву это дано.

16 сентября состоялась традиционная встреча у памятника Николаю Рубцову на набережной. Звучали песни, стихи, выступали представители «Рубцовских центров» (которых уже десятки по всей России)... Среди десятков людей, поющих (и даже втихаря пьющих), разговаривающих, слушающих и слышащих только себя, разных, скромно ходил с фотоаппаратом на груди классик русской литературы Виктор Иванович Лихоносов (он приехал на

Леонид Вересов и Сергей Дмитриев

праздник из Краснодара, а с Рубцовым был знаком ещё в 60-е годы).

В этот же вечер в «Шаламовском доме» состоялась творческая встреча с Андреем Сальниковым, редактором журнала «Вологодский лад», посвященная десятилетию издания. «Вологодский лад» - заметное явление в культуре России, замечательная возможность для публикации многих и многих писателей и просто - интересное чтение. Что важно - у журнала своё лицо, стиль... При этом, как говорит сам Андрей Сальников: «Подход к выбору текстов для публикации прост: печатаем всё хорошее. У журнала есть намерение отражать - по возможности - весь спектр тем, жанров и стилей современной литературы в её «региональном воплощении». Ограничение одно (разумеется, кроме тех, что определены законом): не принимаются к публикации в «Вологодском ладе» хамские, непристойные тексты, унижающие достоинство человека».

Замечательный принцип и отличный журнал...

И в тот же вечер в областной библиотеке состоялся большой творческий вечер, посвящённый 80-летию Николая Рубцова и 55-летию Вологодской писательской организации.

В последующие дни участники фестиваля побывали в Тотме и в селе Никольском...

Да, чуть не забыл - в Вологде и многих городах России состоялась акция «Читаем Рубцова».

Впрочем, читают и поют Николая Рубцова не только в дни акций, фестивалей и юбилеев... Когда-то он написал о «есенинской музе», а теперь уже можно и к его музе отнести эти слова:

«Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу».

Дмитрий ЕРМАКОВ.
Фото автора.

Леонид ВЕРЕСОВ

О стихотворении Н. М. Рубцова «В этом городе»

Данное стихотворение поэта Рубцова считалось до последнего времени утраченным. Прочитируем письмо поэта ленинградскому другу Э. М. Шнейдерману от октября 1962 года. «А когда выходит «Оптим»? Мою подборку открой «Элегией». Потом пусть будет трафлотовский цикл... «В этом городе крыши низкие» (обязательно этот стих напечатай в таком виде, в каком посылаю)».

Л. Вересов и А. Е. Чернова

Попытки отыскать в архивах Санкт-Петербурга следы самиздатовского альманаха «Оптим», выпущенного Эдуардом Шнейдерманом, в котором это стихотворение могло быть напечатано, успехом не увенчались. Редактор альманаха в своих воспоминаниях также ничего об этом стихотворении и просьбе Рубцова не сообщает. А между тем, в интернете неоднократно появлялись просьбы помочь разыскать именно это, потерянное, стихотворение молодого Николая Рубцова. Автор материала даже пытался устроить творческий конкурс среди поэтов города Череповца с заданием написать каждому своё стихотворение, используя первую строку Рубцова, ибо надежды найти само оригинальное произведение поэта таяли на глазах. Дважды стихотворения со строкой «В этом городе крыши низкие» попадались на глаза. В журнале «Лад вологодский» в подборке из творческого наследия В. С. Белкова это было не удивительно. Рубцововед, вероятно, тоже отчаялся отыскать это произведение Рубцова и написал своё. А вот интересная поэтеза из города Бабаево Наталья Раменская объяснила совпадение тем, что в её городе мало что изменилось с времени Рубцова, и строка ждала мыслящего и видящего поэта. Согласимся с ней в том, что настоящие поэты ощущают мир по-своему, иногда параллельно, соприкасаясь темами и образами.

В 2013 году автор выпустил небольшую книжку «Николай Рубцов: легенды, были, воспоминания 21 века» и подарил её В. Д. Зинченко, редактору - составителю наиболее полного на сегодняшний день 3-х томного собрания сочинений Н. М. Рубцова. В этой книжке среди других материалов была информация и об этом потерянном стихотворении Рубцова. Валентина Дмитриевна неожиданно сказала, что она видела это стихотворение Николая Рубцова... Года три назад, на фестивале «Рубцовская осень» в Вологде, удалось познакомиться с аспиранткой Литературного института, молодым прозаиком Анастасией Черновой. Уже тогда она поведала, что в их семье сохранились материалы, касающиеся поэта Н. Рубцова, доставшиеся её маме от супруга, уже умершего, преподавателя Высших ли-

тературных курсов при Литературном институте Е. Е. Чернова, который, в свою очередь, учился в Литературном институте с Николаем Рубцовым. Анастасия сказала, что, по её мнению, все материалы уже опубликованы...

Пути людей, занимающихся биографией и творчеством Н. М. Рубцова, удивительным образом пересекаются в точках любви к поэту. Они притягиваются друг к другу, объединяются, восхищённые его поэзией, и вот... В. Д. Зинченко назвала мне имя Е. Е. Чернова, в архиве которого она читала искомое стихотворение, но не включила его в собрание сочинений поэта. Причина была, как выяснилось, в добросовестности исследователя Зинченко. Стихотворение было записано не рукой Рубцова, а рукой Чернова, но на обороте листка, который является автографом поэта. Эта записка, возможно, никогда не публиковалась, как никогда не публиковалось и стихотворение на обороте.

Две вещи обращают на себя внимание. Во-первых, стихотворение начиналось так «В этом городе крыши низкие...», во-вторых, Евгений Чернов воспоминаний о поэте Рубцове не оставил. Так состоялось знакомство с Т. М. Черновой, супругой прозаика. Оказалось, она также большая любитель и пропагандист русской поэзии и поэта Н. М. Рубцова. От Татьяны Михайловны и пришёл оригинал стихотворения, сохранившийся в семейном архиве.

В ЭТОМ ГОРОДЕ

В этом городе крыши низки,
В этом городе много калек.
В этом городе, полном тоски,
Я один неплохой человек.
В этом городе злые глаза.
В этом городе грохот и свист.
В этом городе словно слеза
Я горяч, незаметен и чист...

В третьем томе В. Д. Зинченко приводит ещё одно стихотворение Н. М. Рубцова из архива Е. Е. Чернова «Велют идти на инструктаж...», упоминая об этом в комментариях, а вот пропавшее «В этом городе крыши низкие...» явилось читателю из далёких 60-х годов 20 века только сейчас благодаря тому, что когда-то Евгений Чернов записал его на память об однокурснике.

15 сентября - первый день фестиваля «Рубцовская осень» и день рождения Вячеслава Сергеевича Белкова, прозаика, поэта, исследователя жизни и творчества Николая Рубцова, первого руководителя Вологодского «Рубцовского центра». Он ушёл от нас в 2006 году, но сделанное им остаётся живым и востребованным. Пусть этот материал будет памятью и о Николае Михайловиче, и о Вячеславе Сергеевиче...

Снимок, который вы видите, сделан летом 1962 года в Ленинграде. Николай Рубцов сфотографировался на память с друзьями по литобье-

Темнеют вдоль дорог,
листву роняя в грязь.
Но есть в одном селе,
выдавшем сны цветенья

Друзей со мною нет...
Ну что ж! Пусть будет так!
Ведь русские деревни
Стояли и стоят,
немного накренья,
И вечные, как Русь,
священные деревья
Темнеют вдоль дорог,
листву роняя в грязь...

Это стихотворение Рубцов послал вместе с письмом из Николы своему преподавателю в литера-

Вячеслав БЕЛКОВ

«Друзей со мною нет...»

динению перед отъездом в Москву. Насколько я знаю, эта фотография никогда раньше не публиковалась.

Приятно видеть улыбающиеся лица, радость на лице поэта. В его жизни часто бывало и по-другому - когда не было рядом друзей, когда все вокруг казалось унылым. Например, сложный период он переживает в 64-м году, оказавшись в глухих тотемских местах, без денег, без возможности где-то печататься. Архангельское издательство приняло тогда рукопись стихотворений Рубцова, но выкинуло из нее десятки прекрасных стихотворений, в том числе «В горнице моей светло...» Этот поразительный факт войдет в историю русской литературы или в антиисторию.

В это время поэт написал, среди прочих, два стихотворения, где повторяется одна и та же мысль: «Мне грустно... Друзей со мною нет...» Одно из этих стихотворений («Когда душе моей...») давно уже публикуется, а вот второе стало известно лишь совсем недавно:

Поднявшись на холмах,
старинные деревни
И до сих пор стоят,
немного накренья,
И древние, как Русь,
могучие деревья

И вихри тех ночей,
когда нельзя дремать,
Заросший навсегда травой
запустенья
Тот дворик дорогой,
где я оставил мать.
Со сверстницею здесь мы
лето провожали
И, проводив, грустим
уж много-много лет,
Грустнее оттого,
что все мои печали
Кому я расскажу?

турный институт. Наставником его в институте был поэт Н. Н. Сидоренко. Письма Рубцова сохранила дочь Сидоренко, и лишь недавно они были опубликованы в журнале «Наш современник».

Николай Рубцов пережил трудный 64-й год. Вскоре его стали печатать толстые журналы, вышла первая книжка, его восстановили в институте. А главное - в Вологде у поэта появились новые надежные друзья.

Вилиор Иванов - друг Рубцова

У Николая Рубцова было много знакомых, приятелей, друзей. Среди них были самые разные люди. Один из них - Вилиор Андреевич Иванов, живший и работавший в Бабаево, писавший стихи. Николай Рубцов бывал у него в гостях, они состояли в переписке. Подробно о Вилиоре Иванове можно прочитать в статье Л. Вересова «Бабаевские перекрёстки творческих путей Николая Рубцова и Вилиора Иванова (в книге «Из души живые звуки...»)». Здесь лишь скажу, что Вилиор Андреевич умер в 2006 году. В 2016 ему исполнилось бы 75 лет. Давайте вспомним его стихи, о которых и Рубцов хорошо отзывался.

Вилиор Иванов

Вилиор ИВАНОВ

И раскалённый солнца диск
Над сосенками рыжими;
И скрип дверей соседних изб;
И сизый дым над крышами;
И перекличка петухов,
Деревню воспевающих;
И вереница облаков,
Над речкой проплывающих;
И оживлённое гумно,
И полюшко бескрайнее -
Как будто всё предreshено,
Продумано заранее...

Заря с улыбкой алой
Судачит над рекой,
Что я весёлый малый,
Хоть не всегда такой.
И там, где за овином
Ещё молчит петух,
Багряные рябины
Уж навострили слух.
И даже речка тише
Шумит под синевой,
Как будто был, но вышел
Запас воды живой...
Но я-то понимаю -
Уж что ни говори -
Не зря они внимают
Побасенкам зари.
Пускай судачит зорька
Про всё моё житьё!
Когда мне будет горько,
Замечу ли её?

Ещё ни слова о былом,
Ещё о будущем ни слова,
Но ясно всем, что старый дом
Наверняка пойдёт на слом
И нет решения иного...

Хозяйка смотрит на гостей,
На сына - и не понимает:
Узнала столько новостей,
Но как поднять хоромы ей
О том никто не вспоминает.

А сын о жизни городской
Толкует пьяному застолью,
И до неё слова: «Постой,
Я увезу её с собой!...»
Пробились радостью и болью.

«Ах, милый сын, родная кровь!
Тебя ни в чём не укоряю.
Сама казнюсь я вновь и вновь,
Что прижилась в тебе любовь
Не к своему - к чужому краю».

Глубокое молчание
Таинственной воды,
Высокое качание
Единственной звезды,
Безветренные сумерки,
Начало темноты...

И кажется, что умерли
Деревья и кусты.
В лесу, бедой не тронутом,
Река спокойней сна.
Какая тишь над омутом,
Какая тишина!
Ничто не потревожено
В природе - тишь да гладь,
Как будто ей положено
Молчать да удивлять.
И боязно в безмолвии
Ударить топором:
Что если вспыхнет молния
И грозно грянет гром?!

***

Н. Рубцову

Не стало в небе ни звезды...
Не стало светлого участия.
Пришло предчувствие беды,
Неправимого несчастья.
Сплошная темень над ручьём,
Над лугом, где пасутся кони.
Душа тоскует ни о чём
И отчего-то тихо стонет.
И потому, что одинока,
Я рад прозренью как совету,
Бежать, бежать, не чуя ног,
Бежать к спасительному свету...

Поэзия

Передо мной стихи трёх авторов. Все они уроженцы Вологодчины. Двое из них: Леонид Шубин и Юрий Пасхин - уроженцы Вологодского района.

Леонид Шубин ныне живет в Вожеге, врач хирург. О нём пишет Софья Анатольевна Гусева из д. Старое: «Хочется поделиться творчеством нашего бывшего ученика, рожденного в нашей деревне, но всю взрослую жизнь жившего в посёлке Вожега... Он выпустил уже шесть сборников, которые мы с мужем прочитали досконально и держим под рукой, перечитывая ещё и ещё раз: о природе, погоде, растениях, родных и коллегах...»

Юрий Пасхин родился в деревне Кринки Вологодского района, а ныне живёт и работает в Грязовце.

Дальше всех от малой родины в Вытегорском районе судьба забросила Татьяну Мирчук, живущую в Комсомольске-на-Амуре.

Давайте прикоснёмся к творчеству людей, живущих в разных местах, но вылетевших в мир «из одного гнезда» - Вологодчины...

Д. Е.

Леонид ШУБИН

Дни сентябрьские

***

Вот и кончилось «бабье лето»,
Скрылось солнышко в облака.
Зябко лету, оно раздето,
Оголились его бока.

Сбросив яркий наряд под ноги,
Всё в слезах, на сыром ветру,
Вдруг свернуло оно с дороги,
Где-то сгнуло поутру.

Сиротливые по природе,
Продолжая свой мерный бег,
Дни сентябрьские на исходе
Посылают свой первый снег.

Постаревшая, век за веком,
Щурит осень свои глаза.
Припорошена первым снегом,
Увядает её краса.

Это время небес промокших,
Птиц прощальной голоса,
Царство, полное дней продрогших,
Снежной слякоти полоса...

СПЯТ БЕРЕГА

Скудный берег озёрный,
Лишь болотный простор,
Соснычок мелкородный,
Да валеженный сор.

Не обласканный летом,
Заметелен зимой,
Под природным секретом
Здесь покой вековой.

Вдаль почти незаметно
Проплывают года,
И верны беззаветно
Берега и вода.

Под ледовую крышей
Не тревожит пурга.
Лишь становятся выше
И белей берега.

От бессонницы летней
Отдыхает волна,

Только стала заметней
У неё седина.

Сколько тихой печали,
Сколько здесь тишины!
Здесь ветра ночевали,
Здесь - частица страны.

А в морозковой дали
Даже ночи длинней,
Из неё улетали
Косяки журавлей.

И кричали, кричали,
Пока были слышны,
Что нигде не встречали
Лучше той стороны!

БУДЬ СО МНОЙ!

Родной Северо-Запад с короткими летами,
Морозами и вьюгами, и поздней весной
И с мошкой надоедливой,
и злыми комарами,
Но это моя родина, поэтому - родной!

Хожу лесными тропами, кукушка заливается,
Любуюсь первой зеленью -
опять живёт земля!
Природа просыпается, и силой наливаются
Могучие, ветвистые в серёжках тополя.

Гуляют ночи белые по северным окраинам,
Где смотрит светло-синими
глазами в поле лён.
И с высоты соловушка душевно напевает вам,
И гулко жизни радуется колокольный звон.

Ты с песнями напевными,
звенящими ручьями,
С лесными озерами, с чистой водой.
Когда по тропкам хоженным
шагаем в лес с друзьями,
Ты щедро угощаешь нас малиною лесной.

Шагаешь в лес по рыжики,
и белые встречаются,
А лето бабье тихое шуршит сухой листвой.
Рябины гроздь спелые на солнце отливаются
Своей северо-западной манящей красотой.
Не надо мне не нашего,
заморского, роскошного,
Других не надо прелестей и красоты другой.
Я верю в настоящее, не забываю прошлого,
Ты будь всегда со мною, а я буду с тобой!

Юрий ПАСХИН

Люблю, пока живу

***

Уж пропела труба подъём.
Зимний дождик стучит в окно.
Но мы любим, пока живём,
А живём, чтоб любить всё равно.

Пусть летает любовь вдали,
Мы стремимся её поймать,
Чтобы в сердце сады цвели,
Чтоб в ладонь своё счастье взять.

Но оно не даётся всем.
Можно жизнь без него прожить.
Я живу, я дышу, пыю, ем,
Надо верить, что счастьем быть!

***

Дева на небо выходит,
вся в подвенечном наряде.
Красное солнце восходит,
шлёт нам златистые пряди.

В воздухе осень витает.
Вот бы за летом вдогонку!
Жаль, человек не летает.
Взмах - и в родную сторонку!

Хлеб убирается в поле.
Гнуты тугие колосья.
Птицам вот полная воля,
всюду летят, нас не спросят!

В воздухе чистом, прохладном,
словно тропинкой окольной,
Тихо, размеренно, ладно
звон к нам летит колокольный.

Где-то вдали лучезарно
вновь догорают зарницы.
Я же дорожкой янтарной
мчусь в золотой колеснице.

Кони несутся, мир светел,
звёздная вьётся дорога.
Вспыхну, сгорю, будет пепел.
Помни меня хоть немного!

***

Чернеют голые кусты,
Дымят сожжённые мосты.
Под ветром гнётся стройный лес.
Господь глядит на нас с небес,
Глядит, как рушится страна,
И долго ль нам ещё до дна.
Там, оттолкнувшись, снова вверх
Мы взмоем в небо, словно стерх.
С высот на землю поглядим,
Всех обогреем, приютим.
И снова будет жить страна
И полнокровна, и волна.
И пусть в стране моей родной
Царят лишь счастье и покой!

Татьяна МИРЧУК

Осенние яблоки

***

А я опять на север уезжаю,
Так, словно бы сама живу на юге.
Никто меня туда не провожает:
Ни сыновья, ни близкие подруги.
Никто не ахнет, не заплачет горько,
Не спросит затаённо: «Ты надолго?»
Чтоб я ему ответила: «На зорьке
Вернусь к тебе, а ты дожись и только!»
На север, как на юг помчусь крылато,
Туда, где среди лесов стоит селенье,
Где я босая бегала когда-то,
И где душа не ведала сомненья.
Там ночь бела, а день белей и краше
От облаков, что, как река, текучи,
От таволги, от сныти, от ромашек
И от берёз, склонившихся над кручей.
Я знаю, что уже трещат сороки,
Предсказывая мой приезд, а значит,
Клубника под окном поспеет к сроку,
Княжица ягод гроздь от птиц припрятет.
Я выйду, как и прежде, на развилке,
На улице, мне двести лет знакомой,
И чьи-то взгляды чувствуя затылком,
Пойду, не торопясь, к родному дому.
Под шум берёз и метроном зозули,
Под теньканье кузнечиков беспечных
Вхожу в калитку. Слово в карауле
Наш кедр стоит в двух метрах от крыльца.

ЯБЛОКИ

Осыпает на землю осенние яблоки сад.
Их когда-то любил
мой безвременно умерший брат.
Их любила и мама,
что рядом с братишкой лежит.
Ох, как время с тех пор
всё бежит и бежит, и бежит!
Собираю я в миску упавшие с веток плоды,
И к лицу подношу, и вдыхаю густой аромат.
Я не стану их есть, не хочу - далеко ль до беды -
Отнесу их туда, где покоятся мама и брат.

СТАРЫЙ ДОМ

В вёдрах плещется вода,
Тропка от колодца
Заросла травой - беда!
И крапива жётся.
Покосившийся забор,
Ветхая калитка,
Огород, как косогор,
Где земли с избытком.
Задичавший старый сад
В зарослях малины,
И стоят деревья в ряд
В оспинах, в морщинах.
Вот под яблоней пригнусь -
Ветки не пускают.
Низко в пояс поклонюсь,
Словно в чём покаюсь.
На восход и на закат
Смотрят окна дома,
Половицы в нём скрипят,
Всё давно знакомо.
Занесу я вёдра в дом,
Печь рукой поглажу.
И никто мне в доме том
Ничего не скажет.

Александр КУЗНЕЦОВ

Масляная не Масляная

В 1991 году вышла в свет моя первая книга по топонимике под названием «Язык земли Вологодской», где я позволил не согласиться с господствовавшим тогда толкованием топонима Вологда как «Белая», от вепсского слова vauged. Всё дело в том, что в названии Вологда чётко выделяется основа вол- и окончание -огда, а перевод с помощью вепсского vauged этого обстоятельства не учитывал. Основа вол- только на территории Вологодской области встречается в названиях таких рек, как Волбаш, Волга (есть такая в Бабаевском районе!), Волгуж, Волдуж, Волога, Волома, Волонга, Волташ и Волша. Окончание -огда (с вариантом -егда) также имеется в целом ряде гидронимов: две Шогды протекают в Бабаевском и Нюксенском районах, а за пределами нашей области есть реки Шижегда, Вычегда, Судогда, Рочегда, Печегда.

В книге «Язык земли Вологодской» я попытался взамен старой «белой» версии сопоставить основу вол- со словом из вымершего мерянского языка vojlohta в значении «масло, намасливание». Такое необычное, на первый взгляд, толкование, тем не менее, находило важную поддержку в виде другого гидронима - названия реки Масляная, крупного притока всё той же Вологды.

Русское название Масляная могло быть переводом мерянского названия Вологда, а подобные топонимические кальки всегда в науке

считались надёжным доказательством в пользу предложенного толкования. Другое дело, что с позиций сегодняшнего времени трудно как-то мотивировать происхождение подобных «масляных» названий (на Вологодчине есть ещё несколько Масл-озёр, Масл-ручей, реки Масленица, Маслянка, ручей Масляный)... Можно лишь гадать, чем руководствовались древние меряне, создавая топоним Вологда (скажем, на поверхности воды могли быть маслянистые плёнки различного происхождения). В русском народе подобные названия пытались толковать исходя из того, что эти водоёмы долго не замерзают (подобно маслу), или из-за того, что поверхность воды у них блестящая, гладкая, как масло. Опубликована также этимология от диалектных слов маслина, масленица - «топкое место, болото».

Тем не менее, спустя некоторое время, была озвучена версия, что даже у гидронимов с русскими окончаниями (Маслянка, Масленица) не исключено финно-угорское происхождение заимствованной основы масл-. Топонимист А. Л. Шиллов из Москвы предложил сопоставить такие названия с прибалтийско-

финским термином maselg - «водораздел» (буквально - «земляной хребет»). Термин масельга или маселья в значении «водораздел, хребет» употреблялся и в русских источниках, начиная с XIV века. Последнее толкование подтверждается тем, что с верховьев вологодской Масляной в старину существовал сухопутный волок в бассейне Шексны на речку Роицу. Большинство других «масляных» рек и ручьёв тоже находятся в верх-

них частях речных систем, около водоразделов. Следовательно, у названия Масляная может быть своё особое толкование, не связанное с Вологдой! Значит, ныне версию с меряньским vojlohta - «масло» можно оставить в покое...

Для толкования второй части названия Вологда есть древнее слово ohta, которое имеет вполне конкретное значение - «путевая река» или «река, ведущая к волоку». Вот здесь-то и находится иная параллель с названием Масляная...

Основа вол- находит объяснение из древнего финно-угорского термина ala в значении «низ, нижняя». В современных языках это слово нашло продолжение в следующей лексике: финское ala - «место, пространство» и «низ, нижний», саамское vuolle - «вниз», мокшанское ala - «под чем-то».

Полное значение древне-финского гидронима Alaohta было следующим - «Нижняя Волоковая река». Определение «нижняя», вероятно, надо связывать с положением Вологодского водно-волокового пути по отношению к какому-то другому волоку в верховьях Сухоны. Предположительно, его можно поместить на реку

Бохтогу, левый приток Сухоны (чуть выше города Сокол): волок с неё выводил на реку Кубену в обход бурного Кубенского озера. Сам гидроним Бохтогу изначально звучал, как Ohtajoga - «Волоковая река». Звук б в финских языках отсутствует совсем, а в данном названии появился на месте протетического v (как и в случае вол- из ala).

А что же древние меряне? Пожалуй, всё же стоит снова вернуться к их языку. Недавно вышел 4 том монографии известного учёного-топонимиста из Екатеринбурга А. К. Матвеева (1926-2010) «Субстратная топонимия Русского Севера», посвящённый как раз реликтам вымершего мерянского языка и названий. Александр Константинович считал, что древние окончания -охта и -огда, во-первых, имеют общее происхождение, а во-вторых, не исключены их меряньские корни со значением «волок». Таким образом, Вологда может быть из всех древне-финских языков отнесена именно к меряньским топонимам!

Первое письменное упоминание названия Вологда относится к 1264 году - в договорной грамоте Великого Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем. Поэтому переход -охта в -огда произошёл раньше XIII века, а последние река и города Вологда существует в русском языке без всяких изменений.

Навстречу юбилею

В октябре у нашего постоянного автора, доброго друга «Литературного маяка» и ветерана «Маяка» Виктора Михайловича Тарасевича будет юбилейный день рождения.

Заранее, говорят, не поздравляют... Что ж, не поздравляю, а просто говорю Вам, дорогой Виктор Михайлович, спасибо за то, что Вы всегда с нами. За рыбу и грибы, за стихи и рассказы. За поддержку словом и делом. Спасибо... Новых Вам строчек и книг.

А с юбилеем поздравлю позже...

Д. Е.

Виктор ТАРАСЕВИЧ

ЛИСИЧКИН ГОД

Какое-то странное лето – На солнце щедро и дожди, Но как ни старайся при этом, В лесу ни грибка не найти...

Где наши лихие опёнки?! И белые спрятались где?! ... Как будто забыли их нынче Посеять в лесной «борозде».

А может, под ругань и споры – Такие теперь времена – Украдены дивные споры, Налево ушли семена?

И только хозяин лисичек Работал в лесной «борозде», И может, поэтому нынче Они появились везде.

И ломаются полки базаров, И их продают у дорог, И, радуясь жёлтым пожарам, Грибками запасся, кто мог!

Какая же скрыта примета – В лисичках ликующих год? С землёю столкнётся комета? Иль мимо её пронесёт?

Скажите, лисички-хитрули, С чем связаны ваши пиры? ... Ну, это уж мы перегнули. Они - лишь лесные дары!

Читал же и раньше я этот рассказ... Но именно сейчас я как-то особенно его почувствовал, так, что чувствованием этим мне захотелось поделиться.

О чём этот рассказ? О людях, о конях, о времени и вечности, о любви... Он глубок, этот рассказ, как жизнь, и прост, как смерть...

Называется «Кони», а ведь там, собственно, и коней-то нет. Три мерина, один жеребчик, так и не успевший стать конём, остальные кобылы.

Но все вместе они «кони», даже не лошади. Потому что именно

только так друг к другу и относиться? - спрашиваю уже я сам себя).

Вот так он относится и к шофёру (возит председателя колхоза) Серёге. Любуется им, рад, когда парень подходит к его костерку, рад ему последний кусок пирога отдать...

Серёга второй год ходит к учительнице... Он обычный этот Серёга - не плохой и не хороший... Ему не жалко ни Лабутю (например, ради шутки подпалил шалаш, в котором спал Лабутя и смеялся, глядя, как тот выскакивает из огня), ни учительницу, с кото-

« - Лабутя! - Серёга резко затормозил. - Скоро хана твоему царству, иди ко мне в заместители!

- Чево? - Я говорю, переучивайся, пока не поздно, расформируют твою кавалерию! - Серёга, хохоча, включил скорость и уехал, только мелькнул брезент на машине.

Лабутя не расслышал последних Серёгиных слов и улыбнулся, думая про себя: «Хороший парень, от мазурик!»

Лабутя так и не понял до последнего дня, что всё - конец пришёл «его кавалерии». «Через два дня ло-

стились или готовились проститься с мужьями, братьями... В тот день забрали в армию и коня, на котором Миша Советов «выпахивал до гектара в день». А вскоре уж и его, Михаила Советова, забрали. Недавно, в возрасте за девяносто лет, ушёл в лучший мир Михаил Афанасьевич... Уходит-уходит поколение, для которого конь был кормильцем и другом...

Кони тоже воевали! Как люди уходили они на войну и гибли там (кто посчитал «конские потери?»), и внесли свой вклад в нашу Победу...

Дмитрий ЕРМАКОВ

На берегу Волосатихи

(после прочтения рассказа В. И. Белова «Кони»)

конь - древний символ той Руси, которая коня возносила к небу, устанавливая на крышах изб, и уже эти деревянные кони (вспомнили Абрамова?) влекли сами избы, саму деревню, всю деревенскую Русь в небо, к солнышку, к Богу...

Начинается рассказ вот так: «Волосатиха дышала то береговым теплом, то холодом своего плёса, и в этом дыхании глохли и без того редкие ночные звуки».

Волосатиха - это река. Случайно ли такое имя реки (и, между прочим, первое после названия слово в рассказе)? Почему у реки такое название - не слишком (для нашего времени) благозвучное? Но, между прочим, чисто славянское. Не так уж много в наших местах славянских гидронимов, в основном - финно-угорские (как, например, и Сохта - речка, на которой стоит родная деревня Белова Тимохича)...

Мне думается вот что - речь-то в рассказе о конях и о пастухе. А Волос (или Велес) - «скотий бог» в славянской мифологии. Таким названием реки Белов сразу обращает нас в давние-давние времена, но именно к славянам-скотоводам, а не к охотникам угро-финнам.

Читаем чуть далее: «Слева виднелось белое колено дымящейся Волосатихи. Справа угадывалась песчаная дорога. По слухам, как раз в этом месте часто «бланило и пугало»: давно когда-то схоронили тут спившегося коновала. Говорили, что коновал был нездешний, что ночью, в летнюю пору, он встал из земли и до рассвета жадно пил воду, не мог напиться, и будто бы всю ночь в его сухом от жажды горле булькала речная вода».

Образ этот, вроде бы, эпизодический, «нездешнего» коновала очень важен. Во-первых, он - человек, имеющий самое непосредственное отношение к скоту, похоронен именно на берегу Волосатихи (реки Волоса), что подсказывает ещё раз, что название реки выбрано автором не случайно. Во-вторых, главный герой рассказа пастух Лабутя тоже «нездешний».

«Мало кто помнит, когда и как прижился в колхозе Лабутя... Никого из родных у него, видно, не осталось, родом он был из-под какой-то далекой Устрики», - сообщает о нём автор. А вот ещё одна и главная характеристика пастуха Лабутя: «Кроме всех людей, любил он ещё животных, особенно лошадей».

Лабутя, действительно, любит всех. Причем, он изначально уверен, что и к нему все относятся так же, любят. (А не должны ли мы, по замыслу о нас, людях, именно так и

ФОТО ИЗ АРХИВА РЕДАКЦИИ

рой он, конечно же, «поматросил и бросил» и уж тем более не жаль ему коней...

А вот Лабутя любит коней. Как людей любит. И опять вопрос: а не должны ли мы, люди, именно так относиться к животным - милосердно?

Именно глазами Лабутя автор и смотрит на лошадей. Глазами любящего и жалеющего человека. Так и рассказывает о них. Дает «портрет» каждого коня (мерина, кобылы, жеребчика), описывается его характер, приводятся случаи из жизни... Автор любит коней так же, как Лабутя...

А вот, например, председатель колхоза, что? Ведь это он дал приказ сдать лошадей на мясокомбинат. Ему, как и Серёге, не жалко лошадей? Может, и жалко, но он делает то, что необходимо - отдаёт приказ «сдать лошадей государству», т. е. на мясокомбинат. Всё-таки колхоз - это производство, экономика. И председатель исходит из производственной и экономической необходимости. Держать коней, невыгодных для колхоза, он не может, это в ущерб экономике колхоза, а значит, и колхозников, людей.

Кстати, коров в деревенских личных подворьях не стало именно из самых практических соображений - не выгодно. Молоко сдать некуда (сельхозпредприятия не принимают молоко у частных, борясь за высокую «сортность», от которой зависит и цена молока, сдаваемого на молкомбинаты), а для себя - легче купить в магазине. И коней в личных хозяйствах давно уже нет - ни к чему. Да и на мясо резали животных всегда. Это нормальное отношение к животным. Понятное. Именно так и председатель относится к лошадям, сдать их - необходимость.

А вот Серёга - злорадствует, подначивает Лабутю.

шадей приказано было гнать в город. Лабутя, как во сне, набил мешок сеном, перекинул его через Верёю. Забрался наверх. Трое мальчишек сделали тоже самое с Анисой, Евнухом и Зорей. Остальных обратали».

Мальчишки-то ещё не понимают, что уходит от них, что теряют они навсегда. Для них это пока всего лишь замечательное приключение - доехать до города на лошади (а обратно-то на машине!). Они, конечно, знают, что лошадей «сдадут», но они не вдумываются даже, что за этим словом стоит. Пройдут, может, годы и годы (действие рассказа происходит в 60-е годы), и седые уже мужики вспомнят, как ездили на лошадях в город, последний путь тех лошадей вспоминают...

А вот их матери и бабушки жалели этих последних лошадей - и потому, что женщины вообще более жалостливы, и потому, что помнили времена, когда конь был кормильцем.

«Когда выезжали из деревни, то около скотного двора собралось несколько баб. Бабы стояли, плакали, взглядом провожая лошадей до поворота дороги».

Я вспоминаю рассказ Михаила Афанасьевича Советова (выходца из деревни, прошедшего войну, побывавшего и председателем послевоенного колхоза), о том, как в первый месяц войны через их деревню гнали в город и далее на фронт лошадей, собранных в окрестных колхозах. «Тишина была в деревне, только слышно, как кони идут. А от каждого двора, от каждой калитки мальчишка с посланным куском хлеба бежит к ним...» А это ведь их матери послали, мальчишек-то, прощались с кормильцами-конями, как уже про-

Ещё вспоминаю, что я в своём детстве, хоть был городским ребёнком и в деревне бывал лишь на каникулах, успел прикоснуться к такому коню-труженику. (Я не помню его клички, не помню даже коня это был, кобыла или мерин - не важно было). Но помню, как один раз посидел на металлическом сидении конных граблей, держась за вожжи, и лошадь сперва потянула грабли, а потом сама и встала, чувствуя неумелость и напуганность мою, а деревенские мои дружки смеялись, и потом показывали, как надо: по-мужицки матерясь, погоняли лошадь, и натягивали вожжи с криком «р-р-р!» И, наверное, на этой же лошади я однажды прокатился верхом, кто-то из взрослых вёл её, а я сидел в седле, и было страшно и радостно. В другие мои приезды уже не было в деревне лошади, но тогда я даже и не задался вопросом - где она? Впрочем, догадаться о её судьбе не трудно...

И вот в городе приёмщик принял коней, и «... Лабутя, не видя белого света, пошёл в магазин, купил четвертинку». И вдруг увидел, как ведёт их, уже точно в последний путь гонят, через городскую пахнущую бензиновой гарью площадь. «Малька... узнала Лабутю, тихо заржала, и все кони остановились и тоже повернули головы к пастуху».

Вместе с мальчишками он вернулся на Серёгиной машине в деревню, а на следующий день пропал.

«То ли его вновь потянула бродяжья воля, может, сидевшая в нём с самого безотцовского детства, а может, его позвала к себе родная деревня - безвестная далёкая Устрика». Всё - этими словами кончается рассказ. Но с этими словами вспоминается тот коновал, о котором зачем-то же написал Белов в самом начале. Отчего спился он когда-то? Почему на берегу Волосатихи похоронен?.. А ведь и Лабутя с горя выпил - куда же его дальше это горе уведёт? Где он, Лабутя... Был он - живая совесть. И не стало его, как тех коней...

... И ныне встаёт в летнюю пору из земли и до рассвета жадно пьёт воду из Волосатихи тот спившийся коновал. И слышно в тумане всхрапывание коней, а на обсыпанном сосновыми шишками бугре над самой Волосатихой виднеется костерок, и греется у огня Лабутя, который «кроме всех людей, любил ещё животных, особенно лошадей».

... А может, всё это я выдумал и надо просто прочитать рассказ Василия Белова «Кони».